

**Владимир
МАЗАЕВ**

**«СТИХ СУРОВ,
НО НИКУДА
НЕ ДЕТЬСЯ...»**

(К 90-летию со дня рождения
Евгения Буравлева)

Я не знаю другого кузбасского поэта, чей путь в литературу был столько же тернист и мучительно долг, как у Евгения Буравлева.

Родился он в 1921 году в Калужской области в семье строителей-железнодорожников, чьим постоянным «домом» был строительный поезд. Под стук колес этого поезда Женя мальчишкой проехал полстраны. В первый класс пошел на Турксибе, а десятый окончил в поселковой школе станции Промышленная. Это уже в Кузбассе. Можно представить, какой завидный багаж жизненных впечатлений накопил он к своим семнадцати!

Шел 1938 год. В воздухе давно уже «пахло грозой». По комсомольскому призыву Женя поступает в Иркутское военное авиационно-техническое училище. Едва успел окончить его, как грянула Великая Отечественная, двадцатилетний Женя – с первых ее недель – на фронте. В отряде аэродромного боевого обслуживания. (Надо заметить, немцы подвергали наши аэродромы особенно яростным бомбардировкам.)

Был Женя трижды ранен. Награжден орденом Красной Звезды и боевыми медалями. Война стала для него, как и многих, особой школой. Она выгнала его мужской, непримиримый ко всякому злу характер.

Наступившая мирная жизнь вскоре преподнесла такой сюрприз, что он со своим характером едва в ней удержался. На одном из праздничных вечеров какой-то крепко подвыпивший майор за соседним столиком устроил безобразную сцену – избил женщину. Соседи прореагировали слабо. Женя-фронтовик не выдержал. Крепкий физически, он заломил хаму в офицерских погонах руки, выволок его за двери и шумно спустил с ресторанной лестницы.

Майор оказался адъютантом какого-то шибко крутого чина. И поехал 24-летний Женя вместо дома этапом на Север, на сооружение дороги Салехард – Игарка. Дорога эта каторжная вскоре умерла, так и не достроенная. В народе ее называли «мертвой». Женю

Буравлева освободили, учтя его четырехлетний фронтовой стаж.

В начале 50-х он приехал в Кузбасс, в молодой город Междуреченск, и стал работать на строительстве железной дороги Новокузнецк – Абакан.

Только уже здесь, на Южсибе, переступив рубеж своего тридцатилетия, смог обратиться к стихам. Смог отдавать им каждую свободную минуту. Однако ни войну, ни свою принудительную «прогулку по северам» поэт Женя Буравлев вспоминать не любил и в свои стихи не пускал.

В 1956 году, выдержав творческий конкурс, стал студентом Литературного института им. Горького. Одна за другой выходят его поэтические книжки: «Кладовискатели», «Родник у дороги», «Красная Горка» (о молодом Междуреченске), «Острова». Последняя особенно порадовала читателей и друзей-литераторов. Как писал тогда Валентин Махалов, «Книжка эта щедро согрета теплом человеческого сердца. И не беда, что чувства автора сдержанны по своей природе, зато явно ощущается их глубина и значимость».

1961 год. Евгений Буравлев окончил Литинститут (заочно) и тогда же был принят в члены Союза писателей СССР. В следующем году он переезжает в Кемерово. Поэт Евгений Буравлев выступает уже и как драматург. На сцене Кемеровского театра оперетты с успехом идет его пьеса «Жемчужины Сибири». Вскоре Омский театр ставил его пьесу «На крыльях мечты».

14 июня 1962 года было создано Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР. Знаковое в те годы для нашей области событие. Евгений Сергеевич, как никто другой, потрудились на этом поприще. Он и был единодушно избран первым руководителем созданного Союза.

После тяжелой болезни Евгений Сергеевич Буравлев умер в сентябре 1971 года в возрасте 53 лет.

Евгений Буравлёв

* * *

*Я не пишу о войне:
Трудно писать о войне.
А уж кому, как не мне,
Строчку не бросить на круг?
Лётчику и стрелку,
Сапёру и штрафнику,
Взводному в энском полку
Есть что сказать, мой друг.*

*Только не до строки
Там, где легли полки,
Там, где взята в штыки
Последняя высота.*

Не срифмовать мне, друг,
Оторванных ног и рук,
Не срифмовать всех мук
И всех оставшихся там...

Хотя идти на реду́т –
Это ведь тоже труд.
Страшный, но все-таки труд –
Ради жизни, мой друг.
Смерти самой вопреки
Безусые пареньки
Бросали вместо строчки
Сами себя на круг.

Но умели молчать
Там, где нельзя кричать,
И попадали в печать
Только посмертно, друг.

* * *

Не нужен мне блокнот с собою
Для впечатлений про запас,
Когда живу твоей судьбою,
Твоим дыханием, Кузбасс,
Когда бок о бок с земляками
Шёл, одержим одной мечтой,
Ворочал брёвна, землю, камень,
Чтоб ожил край необжитой!
И если смутное волненье
Ещё не складывалось в стих,
Я не пенял на вдохновенье,
Бессильно руки опустив.
Я знал: вот-вот он народится,
Весь озарённый новизной,
Предубеждений и традиций
Недуг ломая затяжной.
Мне обо всём поведать надо,
Мне дело есть до всех проблем –
Чему на свете люди рады,
И что осточертело всем,
И чем живут мои герои,
В чём сердцевина жизни всей,
У стен какой невзятый Трои
Родится новый Одиссей.
А новый день с его борьбою,
Со всем, что есть и быть могло!
Пиши событие любое,
Да так – чтоб души обожгло,
Чтоб вместе с жизнью шла строка –
Плечо к плечу, в руке рука!

* * *

Кто вас выдумал, острова,
С птицей-иволгой, с ягодой кислицей,
Где Наташка-сорвиголова
Робинзоном любила числиться?

Ей, бывало, ни в чём не перечь –
Берегись языка её острого,
Если даже заходит речь
О её спасении с острова.

Говорила: «Мои острова!»,
Хоть, чем кончится всё, знала загадя:
Расправлялись мы с нею сперва,
А потом приступали к ягоде.

Но однажды как-то весной,
Босоногая, в ситцевом платье,
Поделилась тайной со мной:
«Робинзону скучно без Пятницы...»

И, от счастья на волосок,
Я признал острова Робинзоньими,
И до зорьки, уткнувшись в песок,
Наши лодки лежали вверх доньями...

Ну, а нынче вы, острова,
Неужели необитаемы?
В рост смородинник, в пояс трава
Да черёмушник с птичьими стаями.

Вот и берег. Дробинки воды
Держат ветви листьями-ладонями.
Хода нет! – на песке следы,
И две лодки лежат кверху доньями.

* * *

Какая мне нужна жена?..
Чтоб ела горсточку пшена?
Красна прилежностью, трудом?
И всё при том тащила в дом?..
А может быть, нужна жена –
Принцесса или же княжна?
Чтоб состоять всю жизнь при ней,
Как при дверях стоит лакей?..
А может, всё-таки жена
В учёном званье быть должна?
И я тогда бы – хоть умри! –
Пришёлся лишь в секретари?..
А может, скажут, взял бы ты
В подруги чудо красоты,
Но чтоб, как мрамор, холодна
И одному тебе верна?..
А может, лучше, чтоб жена
Была, как сто чертей, страшна?
Чтоб не позарился никто
Испить с ней радости глоток?
А может, суть сама важна:
Пусть хоть какая – но жена?
Лишь хлопотала б день и ночь
И лечь в постель была не прочь?..

Нет, чепуха все! Мне нужна
 Необычайная жена:
 Стройна, красива и нежна –
 На всю Вселенную одна!
 И легкомысленна притом,
 Чтоб с ней – ключом веселье в дом!
 Чтоб уж любила – так держись!
 Чтоб ревновал её всю жизнь!
 Чтоб вся была – Весна сама,
 А пламя губ – сойти с ума,
 Прикосновение одно
 Хмельно чтоб было, как вино!
 Чтоб тайна тайн её колен
 Взяла меня навеки в плен,
 Чтоб всякий раз сгорать дотла
 От щедро-жадного тепла!..
 Какая ж мне нужна жена?
 Чтоб от любви была пьяна,
 Всю жизнь девчонка – не жена,
 Вот ты какая мне нужна!..
 Не похвала тебе, не лесть –
 Я просто счастлив, что ты есть.

* * *

Опять расставанья, опять расстоянья,
 Тревожные письма, тревожные мысли,
 Скупых телеграмм и звонков подаянья,
 И чёрные слухи – таёжные рыси.
 От них не укрыться, от них не забытья:
 Когтистые слухи – как стрелы из лука.
 От них – лишь в себя, словно в угол, забиться
 И молча сносить твои пытки, разлука...
 За окнами мимо – Приволжья равнины,
 Морщинами горя – Урала предгорья,
 Всё дальше любовь, всё тревожней, ранимее,
 С петлею разлуки на плачущем горле.

* * *

Как на шестой гряде от бани,
 В Таёжке либо на Терси,
 Не избалованы вниманьем,
 Растут поэты на Руси.
 Растут, как листья самосада,
 И до поры – о них молчок.
 Потом, когда пожухнут гряды,
 Народ отметит: «Крепачок!»
 И сколько раз минутой тяжкой,
 Когда несладко мужикам,
 Пойдёт последнею затяжкой
 По кругу крепкая строка.
 Пойдёт, как взводный тот окурочок
 Перед решительным броском.
 ...Ну, а покамест на смех курамам
 Торчат за баней лопушком.
 Иной и двинул бы в столицу,
 Но пораскинет наперёд,

Что там ему не прокормиться,
 А тут – картошка, огород.
 Иной, махнув на всё рукою,
 Рискнет – и бьётся на юру,
 И письма шлёт, и пьёт с тоскою:
 Мол, не пришлось ко двору...
 И всё же нового Кольцова
 Откроют новые друзья.
 А он в Таёжке окольцован –
 Его закрыть уже нельзя.

* * *

А вы смогли б свободно, просто,
 Без дани веяньям времён
 Свои стихи прочесть с помоста,
 Где Стенька Разин был казнён?
 Ведь вы ж могли, взойдя на площадь,
 Что занял глыбища-поэт.
 А здесь – подавно. Здесь же проще.
 Здесь даже памятника нет!
 Смогли б такие, чтоб от сердца –
 От первой строчки до конца,
 Чтоб обратиться в единоверцев
 На всей святой Руси сердца?
 Такие, чтобы не в угоду
 Ни тем, кто судьбами вершил,
 Ни тем, кто в трудный час народа
 Лишь под ногами мельтешил?
 Смогли б?... Добро. Но прежде взвесьте,
 Достанет ли ума и сил,
 Ведь это здесь, на этом месте –
 Начало правды на Руси.
 Здесь в честь побед салютовали,
 Скорбели в годы тяжких бед,
 И здесь же тех четвертовали,
 Кто был предвестником побед.
 Ну, кто из вас предельно честен?
 Готов ли он, как на суду,
 Прочесть стихи на лобном месте,
 У всей России на виду?

* * *

Моим ровесникам

Биография начиналась так:
 В небо рвался багряный флаг,
 Возвращались с гражданской бойцы –
 Наши будущие отцы.
 Нас рожали в голодный год,
 Лишь бы только продолжить род.
 Нас выхаживали с рожка –
 Были матери без молока...
 А потом у знамен отцов
 Мы клялись не упасть в грязь лицом...
 Биография начиналась так:
 В день по восемь, по десять атак.
 Биография начиналась так:

Со взрывчаткой бросались под танк.
 А потом – медаль за Берлин.
 А потом – цеха, корабли,
 Новостройки в рабочих лесах,
 Ветер поисков – в паруса...
 Биография начиналась так:
 Был рабочим столом верстак.
 А потом – из житейских былин
 Книжки тоненькой первый блин.
 Мы писали стихи не для тех,
 Кто живет только ради утех,
 Ради модных штиблет и рубаш
 И усмешечки на губах.
 Пусть у нас ни двора, ни кола –
 Лишь бы Родина вечно жила,
 Лишь бы в сердце – завет отцов,
 Лишь бы встречный ветер – в лицо.
 ...И до самых седых волос
 Мы работали на износ,
 Не отсиживались в кустах:
 Биография начиналась так!

г. Кемерово

Виктор АРНАУТОВ

ПОЭТ, НАСТАВНИК, ХРОНИКЁР

(К 90-летию со дня рождения
Михаила Небогатова)

«...В Кемерове живёт хороший русский поэт Михаил Александрович Небогатов. Он представил в «Современник» рукопись, которая многогранно выявляет творческие возможности автора, вдохновляемого жизнью, своей судьбой, пережитым и переживаемым. Надо познакомить всероссийского читателя с лирикой одарённого автора», – так отзывался о поэзии Небогатова московский критик и рецензент.

И ещё. В предисловии к посмертному сборнику стихов М. А. Небогатова «Благодарю, благодарю...», вышедшему в Кемерове в 1995 году, редактор и составитель поэт Иосиф Куралов очень тепло напишет о нём:

«М. Небогатов – поэт, многие стихотворения которого как бы в готовом виде взяты из окружающей среды и состоят из света, воздуха, весенних ручьёв, осенних листьев, ночных звёзд, пламени костра, пламени вой-

ны, женских взглядов, взглядов на женщину, иного разнообразного нетленного материала, который существует во времени и пространстве и является отнюдь не интерьером, а самим содержанием того, что называется коротким и всеобъемлющим словом – жизнь.

В этом талантливом поэте неразрывно слились и зримо проявились два качества: профессионализм и тонкая лиричность. Первое явлено безупречной техникой, точными рифмами, чёткими ритмами, отсутствием небрежностей и шероховатостей и – особенно – очищенными от первоначального хаоса, поставленными в гармонический ряд звуками, которые в большинстве стихотворений слагаются в хорошо узнаваемую чисто небогатовскую мелодию. Проявление второго (и главного) качества – уже не оболочка и не ткань стихотворений, а сама запечатленная в них поэзия».

В хрестоматии «Писатели Кузбасса: поэзия и проза», подготовленной и изданной Кемеровским областным отделением Союза писателей России в 2007 году, 53 автора, рекомендованных для внеклассного ознакомления и изучения региональной литературы школьниками и студентами.

Возьмём ещё один сборник (480 страниц формата А4) «Русская сибирская поэзия. XX век. Антология», изданный также у нас. Круг авторов в нём значительно расширен – до 435. И у каждого – от одного до десяти стихов. В первом сборнике у поэта Михаила Небогатова напечатано 14 стихов, во втором – 6.

Михаил Небогатов. Так кто же он? Одним словом здесь и не ответить: поэт, литератор, наставник, пропагандист, фронтовик, семьянин, друг, товарищ, гражданин, человек, хроникёр...

Без лукавства скажу, что лично для меня он открылся в таком многообразии не сразу. А причиной тому стали его дневниковые записи, тщательно отобранные и отредактированные дочерью Михаила Александровича – Светланой, вышедшие отдельной книгой в 2006 году.

Хотя, конечно, имя Небогатова лично для меня не было таким уж и незнакомым. Попав в Кузбасс, в Кемерово, из деревенской томской глубинки в середине августа 1969 года и став студентом, едва ли не ежедневно покупал в киосках газеты «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». И чуть ли не в каждом новом номере, если не на первой полосе, то на других страницах встречал стихи – Михаил Небогатов. Обращал внимание и на газетные «подвалы», где разбирались стихи молодых авторов. И под ними встречалась всё та же фамилия.

И потом на протяжении многих лет, если не десятилетий, по крайней мере в 70–80-е годы, с полос областных газет не сходило имя Михаила Небогатова. Признаюсь как на духу, стихи эти просматривал довольно бегло, даже с некоторым раздражением: казались они мне какими-то неискренними, заказными,